

Посвящается Софи де Клозе

QUE FAIRE DU PASSÉ?

RÉFLEXIONS SUR LA «CANCEL CULTURE»

PIERRE VESPERINI

Fayard

Пьер Весперини

п е р е п и с ы в а я

ПРОШЛОЕ

Как культура отмены
мешает строить будущее

Перевод с французского

АЛЬПИНА ПАБЛИШЕР

Москва, 2025

УДК 316.733
ББК 60.527
В38

Переводчики: ЕКАТЕРИНА ПОЛЯКОВА, ЕКАТЕРИНА ЛОБКОВА

Весперини П.

В38 Переписывая прошлое: Как культура отмены мешает строить будущее / Пьер Весперини ; Пер. с фр. — М. : Альпина Паблишер, 2025. — 212 с.

ISBN 978-5-9614-8622-3

Культура отмены — одно из ярких явлений нашего времени, практика публичного бойкотирования людей или организаций за высказывания или поступки, которые массы признают неприемлемыми. Однако культура отмены может касаться не только наших современников. В своей книге французский философ и историк Пьер Весперини показывает, как люди, стремящиеся переписать или стереть неоднозначные моменты прошлого, мешают нам воспринимать уроки истории. Те, кто хочет «отменить» Шекспира, Вудро Вильсона или Черчилля, утверждает Весперини, задают важные вопросы, но не терпят полутонов и зачастую приходят к ошибочным выводам. Его книга поможет читателям лучше понять природу современной социальной дискуссии и сохранить способность критически осмысливать историю, а значит — осознанно формировать будущее.

УДК 316.733
ББК 60.527

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в интернете и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу mylib@alpina.ru.

ISBN 978-5-9614-8622-3 (рус.)
ISBN 978-2-213-72217-7 (фр.)

© Librairie Arthème Fayard, 2022.
© Издание на русском языке,
перевод, оформление.
ООО «Альпина Паблишер», 2025

Содержание

Предисловие.....	7
Несколько уточнений.....	11

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Что делать с прошлым?

Европейская культура и культура отмены

<i>Культура-цивилизация и культура-наследие</i>	<i>17</i>
<i>Христианизация и насилие.....</i>	<i>19</i>
<i>Христианские истоки патриархата и нетерпимости.....</i>	<i>22</i>
<i>Капиталистический поворот.....</i>	<i>31</i>
<i>Несправедливый порядок и культура отмены</i>	<i>35</i>
<i>Вести диалог?.....</i>	<i>37</i>
<i>Культура-наследие и варварство.....</i>	<i>41</i>
<i>Жреческое отношение.....</i>	<i>45</i>
<i>От культуры-наследия к культуре-гуманизму: филология и очарование.....</i>	<i>63</i>
<i>Культура отмены как европейское наследие</i>	
<i>1. Эмансипация как третий пласт</i>	<i>66</i>
<i>Культура отмены как европейское наследие</i>	
<i>2. Очередной «Спор о древних и новых».....</i>	<i>70</i>
<i>Капитализм не гуманизм</i>	<i>73</i>

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
Три эссе о культуре отмены

I. Следует ли сжечь классиков?	83
«Он хочет спасти классическую филологию от “белизны”. Выживет ли при этом дисциплина?»	83
Интервью журналу <i>Philosophie Magazine</i>	96
Классическая филология и расизм. Свидетельство Уитни Снид	105
II. «Ромео и Джульетта» в «Глобусе»: предупреждения о триггерах	109
III. К вопросу о статуе Джефферсона в Нью-Йорке	123
Почему именно статуи?	
Кое-что о прагматизме	124
<i>Res gestae</i> Джефферсона	127
В каких случаях следует убирать статуи?	
Кое-что о проблематике статуй	129
«Он добрый или злой?»	
Пуританская антропология культуры отмены	144
Что делать?	155
Библиография	169
Благодарности	179
Примечания	181

Предисловие

29 августа 1911 года в калифорнийском городе Оровилл появился индеец. Это был последний представитель одного из племен народности яна, истребленного бледнолицыми в эпоху золотой лихорадки и последующие годы. Его сородичей, живших в Милл-Крик, в 1865 году перестреляли нанятые переселенцами убийцы (кое-кого из них можно увидеть на фотографии того времени: гротескно разряженные, в широкополых шляпах и галстуках-бабочках, с сигарами и выставленными напоказ цепочками карманных часов)¹. Горстка выживших, включая нашего героя, укрылась в лесу, откуда его в конце концов вытеснила урбанизация. Голодный и напуганный, он попал в руки полиции. Алфред Луис Кребер, специалист по индейцам и завкафедрой антропологии Калифорнийского университета, устроил его в Музей антропологии в Сан-Франциско.

Там он стал одновременно живым экспонатом («человек каменного века», «последний индеец-дикарь») и смотрителем музея. И произвел фурор. Кребер очень к нему

привязался. Было решено называть его Иши, что на языке яна означает «человек». Иши стал своеобразным талисманом музея и антропологической науки.

Он уцелел во время резни, но не смог пережить последствий другого фактора геноцида коренных народов² — инфекционных заболеваний, принесенных бледнолицыми. Его погубил туберкулез. Кребер находился в Нью-Йорке, когда получил телеграмму от коллеги: тот сообщал, что Иши умирает. Кребер немедленно отправил ответ, прося, когда придет время, соблюсти погребальные обычаи яхи (подгруппы яна, к которой принадлежало племя Иши). Далее Кребер писал:

«Не думаю <...>, что вскрытие может дать важные результаты; оно не будет отличаться от обычного рассечения трупа. Пожалуйста, не трогайте его. Что касается распоряжения телом, я должен попросить вас как моего личного представителя не выдавать его никому ни при каких обстоятельствах. Если зайдет речь об интересах науки, скажите от моего имени, что наука может идти к черту. Я не верю, что в этом может быть какая-либо научная ценность. У нас имеются сотни индейских скелетов, которые никто не изучает. Основным интерес в этом случае будет носить нездорово-романтический характер»³.

Письмо опоздало. Тело Иши, не успевшее даже остыть, разрезал на куски еще один его «друг», хирург Сакстон Поуп. Внутренние органы извлекли, взвесили и исследовали. Череп был признан «небольшим и довольно толстым»⁴.

Кребер продолжил работу и больше никогда не говорил об Иши.

Я прочитал эту историю много лет назад⁵, и с тех пор она меня не отпускает. Я часто вспоминал ее, когда писал эту книгу. Именно поэтому я посчитал уместным начать с нее.

Несколько уточнений

Прежде всего я хотел бы прояснить три момента, которые могут вызвать недопонимание.

1. Эти размышления, как бы критически они ни звучали, не означают обвинений в адрес деятелей так называемой культуры отмены⁶. Я понимаю их позицию. Но их действия в том виде, какой они имеют сегодня, на мой взгляд, могут только завести в тупик, а в некоторых случаях и привести к катастрофе. Я излагаю свои идеи именно затем, чтобы попытаться это предотвратить.
2. Я не специалист по культуре отмены. Однако меня с самого начала глубоко волновали вопросы, которые она ставит. На мой взгляд, это одна из важнейших дискуссий нашего времени. Поэтому мне захотелось принять в ней участие, опубликовав эти материалы, — в них изложены идеи, которых я пока нигде не встречал.

3. Эти идеи — не истина в последней инстанции, а некие тезисы, которые я попытался обосновать с помощью аргументов, показавшихся мне наиболее ясными и убедительными, и теперь выношу на публичное обсуждение. Движение культуры отмены затрагивает столь различные области, опирается на столь обширную историю, при этом возникло столь недавно и столь разнообразно по своей природе и формам, что идти вперед можно только на ощупь.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Что делать с прошлым?
Европейская культура
и культура отмены

*Естественно, настоящее
не подчиняется прошлому.
Но без него нам не понять
реальности*.*

МАРК БЛОК⁷

В жизни народов, как и в жизни людей, порой наступают те страшные времена, когда кажется, что настоящее предъ-являет счет прошлому, сыновья призывают к ответу отцов, а мертвые вынуждены покинуть свои могилы, чтобы пред-стать перед судом Истории.

Уже несколько лет весь мир видит, как самые выда-ющиеся личности, дисциплины и произведения западной культуры, от Аристотеля до Черчилля, от пьес Шекспира до «Кармен», не исключая ни классической литературы, ни математики⁸, регулярно оспариваются и критикуются, очерняются и обесцениваются усилиями немногочислен-ных, но энергичных молодых активистов (как правило, сту-дентов), которые требуют исключить все это из всеобщей культуры. Одним словом, стереть. Отменить.

* Блок М. Странное поражение. — М., 1999. С. 169. — *Здесь и далее, если не указано иное, прим. пер.*

Основанием для подобных предложений выступает следующая идея: чествование этих деятелей, изучение этих дисциплин, исследование или демонстрация этих произведений означают соучастие в сохранении патриархального, расистского, колониального порядка, который Запад навязывал миру на протяжении многих веков. То, что называется западной культурой, не более чем система легитимации этого порядка.

Многих эти обвинения ставят в тупик. Что ответить тем, кто обвиняет Черчилля в «расистском» мировоззрении? Тем, кто утверждает, что «Кармен» заканчивается фемицидом? Ведь и то, и другое — правда⁹. Но означает ли это, что мы должны снести памятники Черчиллю или переписать финал оперы?¹⁰ Вот в чем заключается вопрос.

Но едва мы успели об этом задуматься, как жрецы храма западной культуры уже перешли в контрнаступление. В ответ на выпады и критику они бросаются проклятиями, источают презрение, цитируют бездушный катехизис и гротескно прославляют себя и ту культуру, которую якобы представляют (но о которой они мало что знают¹¹ и которая для них не более чем аксессуар). Из всех унижительных зрелищ, которые может продемонстрировать нам род людской, пожалуй, ни одно не задевает меня сильнее, чем священнослужитель, стремящийся использовать свои скудные познания для угнетения других и удовлетворения собственных убогих амбиций. Подобные ему заботятся о культуре примерно так же, как лжесвященники заботятся о своих идолах.

Попробуем немного подняться над схваткой, сформулировать эту проблему — одну из важнейших в наше время,

как мы вскоре увидим, — и задуматься над ней. Ведь если мы ограничимся тем, что просто займем ту или иную позицию в непрекращающемся споре, то лишим себя возможности мыслить, поскольку будем рассуждать лишь в терминах, заданных этим спором. Это медийное мышление, то есть «не-мышление». Мыслить же всегда следует в тех терминах, которые ты, самостоятельно обдумав, счел наилучшими. Однако язык нынешних ожесточенных дискуссий никоим образом не предназначен для мышления.

Культура-цивилизация и культура-наследие

Чтобы понять необычайный кризис, переживаемый сегодня западной культурой во всем мире, нужно начать с вопроса о том, что же представляет собой эта культура, существование которой пытаются отрицать некоторые интеллектуалы¹².

Если такое явление, как западная культура, существует, то у него, как и у всего, что создано человеком, должно быть начало. Чтобы найти его, нужно прежде всего задаться вопросом: говоря о западной культуре, какой смысл мы вкладываем в само понятие «культура»?

Это слово имеет два взаимосвязанных, но отнюдь не совпадающих значения.

Во-первых, это совокупность знаний, владение которыми делает человека «культурным», — преимущественно в области истории, литературы, искусства и музыки¹³. В этом контексте я буду говорить о культуре-наследии. Именно она и стала мишенью культуры отмены.

Во-вторых, это широкий комплекс идей и убеждений, которые, будучи доминирующими и, следовательно, присущими большинству людей, определяют структуру и функционирование общества — его организацию, институты, практики, сценарии поведения и т.д. Называть эту совокупность можно по-разному: общими знаниями (антропологическая традиция), идеологией (социологическая традиция от Маркса до Пьера Бурдьё¹⁴), менталитетом (историографическая традиция школы «Анналов»). В более узком смысле можно также рассуждать о социальном воображаемом (Касториадис), доксе (Бурдьё), эпистеме (Фуко) и т.д. Говоря об этом значении слова «культура», я буду использовать название «культура-цивилизация».

Именно из культуры-цивилизации вырастает культура-наследие с точки зрения как европейской культуры, так и культуры отмены. Потому и нам следует начать разговор с обсуждения культуры-цивилизации.

Напрасны были бы попытки отыскать историко-культурную область, которую можно было бы назвать западной. Так называемый Запад на самом деле возник в результате широкого распространения европейской цивилизации. Во всем мире люди, которые вольно или невольно перенимали европейскую культуру, начинали жить на западный манер.

Следовательно, чтобы понять, когда появилась западная культура, нужно ответить на вопрос, когда появилась культура европейская.

Вопреки распространенному мнению, ее истоки лежат не в греко-римской Античности. Античная культура, без-

условно, сыграла важную роль в формировании европейской. Но то же самое можно сказать и о Библии, однако никому не приходит в голову утверждать, что европейская культура зародилась на Святой земле.

Европейская цивилизация возникла под влиянием двух процессов, имевших место в IV веке н.э., когда завершение эпохи Античности слилось с началом Средневековья.

Первый — разделение Римской империи на Восточную, которую сегодня обычно называют Византией, и Западную, вскоре распавшуюся на ряд государств, чьи территории стали ядром современной Европы.

Второй — христианизация. Идеи и убеждения, сформировавшие европейские сообщества, определялись церковью, неизменно стоявшей за плечами у политиков, которые ничего не могли сделать без нее.

Этот процесс необходимо рассмотреть подробнее, поскольку он очень важен для понимания нашего прошлого и настоящего.

Христианизация и насилие

Обращение античного мира в христианство произошло отнюдь не естественным путем. Все началось с решения одного правителя — императора Константина¹⁵. В то время лишь небольшая часть его подданных считали себя христианами¹⁶. Более того, как заметил во II веке язычник Цельс, христиане были разделены на такое множество враждующих сект, что у них не было почти ничего общего, кроме

названия¹⁷. Примерно через столетие после принятия Константином христианства Августин тоже отмечал это разобщение и с горечью сравнивал его с согласием, царившим среди язычников¹⁸: «Почему мы, почитающие единого Бога, разделены, а они, поклоняющиеся бесконечному множеству богов, живут в мире друг с другом?»

Поначалу не было и речи о том, чтобы правитель навязывал свою религию подданным. Лишь постепенно, на протяжении IV–IX веков, церковь стала призывать, а затем и принуждать императоров и королей к искоренению язычества.

Важно осознавать, что христианизация не была «естественной», «спонтанной», «органичной». Этот процесс носил насильственный характер. Античный мир не был обращен — на него надели ярмо христианства. Старые культы были запрещены, статуи изуродованы, храмы разрушены, священные деревья выкорчеваны, боги низвергнуты. Множество текстов сожгли на больших кострах в центрах городов, угрожая переписчикам, пытавшимся их восстановить, отрубить руки¹⁹. Люди, склонные мыслить независимо или вести себя вызывающе (как известно, одно нередко сочетается с другим), были преданы смерти²⁰. Одним словом, язычество подверглось гонениям.

Это насилие, сопутствовавшее христианизации, так до конца и не утихло. Оно сопровождало весь период, который называют долгим Средневековьем²¹. Порой оно было явным — вплоть до конца XVIII века все, кого справедливо или несправедливо обвиняли в попытке сбросить с себя христианское ярмо, регулярно подвергались наказанию, причем нарочито зрелищному²². А порой скрытым,

когда явное применение средств из его арсенала становилось ненужным из-за покорности людей и — что было еще эффективнее — давления рутины и насущной необходимости добывать средства к существованию. Но даже скрытое насилие поддерживает насильственный порядок. Оглядываясь назад, нельзя не заметить, что христианство в Европе никогда не исповедовалось добровольно, искренне и мирно. Всегда существовала нужда в карающем мече, занесенном над головами верующих. И нельзя не заметить, как быстро дехристианизировалась Европа, едва этот меч исчез. Настолько быстро, что возникает вопрос, было ли язычество вообще искоренено.

Условимся понимать под язычеством не единую систему верований — языческих догматов никогда не существовало, — а определенное отношение к божественному. Попробуем кратко его очертить. Язычество рассматривает богов как некую нестабильную, открытую, текучую и таинственную целостность, что исключает любой догматизм. Эти боги присутствуют в природе вещей, а не находятся где-то далеко в трансцендентном мире. Они довольно благожелательны, любят празднества и сами проводят время в веселых забавах²³, пока соблюдаются их права. Этой религии никогда не приходилось прибегать к силе, чтобы завоевать сердца. Она в том или ином виде встречается в большинстве человеческих обществ.

Поэтому у церкви хватило благоразумия не ограничиваться репрессивными мерами. Она ввела ряд религиозных практик, напоминавших о былых временах и в какой-то мере компенсировавших потери, понесенные людьми: праздники и увеселения, культ святых взамен местных

божеств, культ реликвий взамен диковинок природы и чудес искусства, которые древние города с гордостью предлагали путешественникам, культ Девы Марии взамен богинь-матерей языческого пантеона. Позднее протестанты гневно отвергли все эти уступки побежденному многобожию²⁴. Однако церковь в целом не меняла свою политику. Эти компромиссы казались ей необходимыми, и она с готовностью закрывала глаза на те немногие остатки язычества, которые можно было встретить в европейской глубинке еще в XIX веке²⁵.

В обмен на эти небольшие поблажки древним религиям она навязала людям радикально новое мировоззрение. Такова была ее цель, и последствия этого мы ощущаем по сей день.

Христианские истоки патриархата и нетерпимости

Во-первых, жизнь была разделена на два этапа: по окончании земного пути человек продолжал существовать в загробном мире.

Концепция загробного мира присуща большинству культур. Греко-римское общество Римской империи не было исключением. Но, как правило, в самостоятельное существование души после смерти ее жители не верили. Истории о царстве мертвых считались детскими сказками²⁶. То есть церковь постепенно продвигала идею, не имевшую аналогов в других культурах, утверждая, что каждый

человек будет жить и после смерти, причем эта загробная жизнь, которая будет длиться вечно, имеет большее значение, чем жизнь земная. Именно эта логика лежит в основе знаменитого приказа «Убивайте всех, Господь узнает своих», отданного папским легатом Арно Амори во время взятия Безье (1209) в ходе Альбигойского крестового похода. Фраза легата вовсе не придумана, как может показаться, в эпоху Просвещения для демонизации церкви. Она была вдохновлена словами святого Павла²⁷, благоговейно записана современником тех событий, цистерцианцем Цезарием Гейстербахским, и подтверждена немного позже Гервасием Тильбюрием²⁸.

Кто окажется в числе избранных, а кто будет проклят? Этот вопрос для каждого решался здесь и сейчас, в его земной жизни. Легко представить, сколько терзаний и беспокойства вызывал новый ужас перед посмертием — а стало быть, гарантировал покорность и управляемость. Отцы Церкви уже знали, какую власть над душами дает страх. «Многих удерживает в Церкви страх Божий», — отмечал Зенон Веронский²⁹. Так что торжество церкви имело горький привкус. Святой Августин писал: «Очень редко, да нет, никогда не бывает так, чтобы человека, по доброй воле ставшего христианином, хоть как-то не пронзило страхом Божиим»^{*30}.

Церковь и дальше продолжала держать паству в страхе. Порой инквизиторы рекомендовали не откладывать казнь осужденного, что могло бы дать ему время раскаяться и тем самым спасти свою душу, поскольку казнь имела целью

* Блаженный Августин. — М.: Издательский Дом Шалвы Амонашвили, 2002. (Антология гуманной педагогики.) С. 159.

«не спасти душу обвиняемого, но способствовать общественному благу и устрашению прочих»³¹. Позднее эту мысль можно было встретить даже у самых, на первый взгляд, благодушных религиозных деятелей, от святого Викентия де Поля³² до кюре из Арса³³.

Конечно, это был не первый случай, когда власть управляла людьми, опираясь на страх. Но прежде страх был связан с вполне конкретными угрозами. Боялись нищеты, тюрьмы, пыток, смерти. Теперь появился страх перед неосязаемым — угроза вечного проклятия, которая оказалась еще более действенной, подчинив себе как властителей, так и бедняков.

Во-вторых, оказался расколот надвое и сам человек. Если в древности тело и душа были неразделимы, то теперь церковь учила, что плоть угрожает спасению души. Именно плоть виновата в грехопадении, именно она соблазняет душу тысячью дурных страстей и гибельных мыслей. Противопоставление телесного и духовного легло в основу всей системы средневековых воззрений³⁴.

На мой взгляд, эта онтологическая диссоциация личности, последствия которой до сих пор ощущаются в западных обществах, независимо от степени их дехристианизации, также представляет собой исключительное явление. Нигде за пределами Европы человеческое тело не знало такого уровня надзора, контроля, презрения, ненависти, принижения и издевательств ради спасения души в другой жизни³⁵.

Именно на этой почве возникло угнетение, не имеющее аналогов в мировой истории: угнетение женщин. Патриархат в его сегодняшнем понимании, то есть женоненавист-

нический патриархат, начинается с христианизации. Ведь хотя все известные нам общества патриархальны, поскольку основаны на том, что Франсуаза Эритье называет дифференциальной валентностью полов³⁶, только европейская культура дополнила эту иерархию уникальной системой принижения женщин и ненависти к ним.

Считалось, что женщина неразрывно связана с плотью, а значит, и с грехопадением:

«Представительница этого пола соблазнила нашего праотца [Адама], который был ее мужем и отцом, погубила Иоанна Крестителя, обрекла на смерть доблестного Самсона. В каком-то смысле она же убила Спасителя, потому что нашему Спасителю не нужно было бы умирать, если бы этого не требовали ее грехи. Горе этому полу, который не знает ни страха, ни доброты, ни дружбы и который опаснее, когда его любят, чем когда его ненавидят»³⁷.

Яснее всего — особенно на контрасте с античной культурой — это принижение женщин проявилось в остервенелых нападках церковников на женскую красоту.

То, чему Античность буквально поклонялась — богини были прекрасны, и красивая девушка сразу же вызывала мысль о божестве, решившем провести некоторое время среди смертных³⁸, — христианская церковь преследовала с непримиримой ненавистью, похожей на одержимость бредовой идеей. Вот, например, как в одной проповеди описывается молодая девушка, которая прихорашивается перед зеркалом:

«Она смеется, чтобы проверить, красит ли ее смех <...>, прикрывает глаза, чтобы посмотреть, будет она выглядеть привлекательней так или с широко распахнутыми глазами, приподнимает подол платья, показывая свою плоть, расстегивает ворот, обнажая грудь. Хотя ее тело еще дома, ее душа, в то время как она украшает себя и готовится с помощью ухищрений, какие употребляют проститутки, растлевать другие души, в глазах Бога уже оказывается в борделе»³⁹.

Именно это христианское воображаемое объясняет, почему в житиях святых женщины так часто стремятся изуродовать себя, чтобы присоединиться ко Христу⁴⁰. Святая Бригитта Ирландская выкалывает себе глаза, чтобы избежать замужества. Блаженная Одетта Брабантская отрезает себе нос, говоря, что хочет «разрушить красоту своего лица». «Таким образом она полностью уничтожила великолепие своего лица», — радуется ее биограф и духовник.

Третье нововведение — спасение достигается верой. Просто хорошо себя вести теперь недостаточно. Нужно еще верить в истинность догматов, и верить твердо. Сомнение считалось дьявольским наущением⁴¹. Более того, сомнения было достаточно, чтобы прослыть еретиком⁴².

Эта правоверность, то есть строгое соблюдение религиозных предписаний, была тем более важна, что речь шла о спасении не только одного человека, но и всего мира. Отсюда вмешательство светской власти. Уже в правление Константина мы видим, как император «созывал собрания, <...> говорил о единовластвующем Божестве и вслед за тем рассуждал о всеобщем

и частном промысле»^{*43}, утверждая, что приводит варваров к Истине⁴⁴ и в конечном счете ведет все человечество по «пути спасения» (*iter salutare*)⁴⁵.

Соответственно, все неортодоксальные верования следовало истребить. Не только языческие, но и те разновидности христианства, которые расходились с церковью в своем понимании истины⁴⁶. Так христиане очень быстро превратились в гонителей, причем преследовали они в том числе и других христиан — еретиков. В результате, «если считать с первого века мира Церкви, религиозные распри между христианами унесли больше жизней, чем все предыдущие гонения»⁴⁷.

Уклониться от этого было нельзя, ведь на кону стояло спасение мира. Еще и сегодня катехизис католической церкви гласит (§ 2104): «Все люди должны искать истину, в особенности в том, что касается Бога и Его Церкви; а познав ее — принять ее и быть ей верными»^{**}. То есть это долг. Причем долг, который легко исполнить, поскольку истина уже найдена, как победоносно утверждал святой Амвросий Медиоланский в споре с язычником Симмахом:

«Чего не знаете вы, о том нам возвестил глас Божий, и что вы ищете догадками, то мы познаем от самой Премудрости Божьей и Истины»^{***48}.

* Евсевий Памфил. Сочинения Евсевия Памфила, переведенные с греческого при Санкт-Петербургской духовной академии. — СПб.: Тип. Е. Фишера, 1848–1849.

** Цит. по: Катехизис католической церкви. <http://cconline.ru/#2104>.

*** Амвросий Медиоланский, свт. Собрание творений. На латинском и русском языках. Т. IV. Ч. 2. — М.: Изд-во ПСТГУ, 2015.

Так неожиданно поиск истины перестал быть частным теоретическим занятием, превратившись в нравственный и политический долг.

Именно ключевое место, которое ортодоксия заняла в европейской культуре, сделало такой значимой роль священнослужителей — монахов, прелатов, университетских богословов. Именно они обсуждали, разрабатывали и устанавливали догмы. Они же оценивали «правоверность» всех и каждого. Часто говорят — это повелось с «Баллады о дамах былых времен», — что Жанну д’Арк сожгли англичане⁴⁹. Однако сначала ее требовалось объявить еретичкой. А это могли сделать только церковники, присланные из Сорбонны. Их работу запечатлели судебные документы, из которых видно, как самые изощренные знания служили самой жестокой власти. То, что случилось с Жанной д’Арк, могло произойти и с бедным крестьянином из самого глухого уголка Европы, о чем свидетельствует история мельника Меноккио, имевшая место в конце XVI века⁵⁰. Беспокойство о самых ничтожных людях могло охватить даже папу римского. Вот что писал Климент VIII инквизитору из Фриули, который сомневался в необходимости казни малоизвестного фриульского еретика Антонио Скуделларо: «Повелеваю вам, по приказу Святейшего Господа нашего, чтобы вы, не откладывая, приступили к делу с усердием, которого требует серьезность положения, дабы он не избег возмездия за свои ужасные и отвратительные деяния, но дабы причитающееся ему строгое наказание послужило примером для других в этих краях»⁵¹.

Одним словом, в европейской культуре священнослужитель предстает прежде всего как страж порядка. Сторожевой

пес, если пользоваться выражением Низана. И этот образ накладывает свой отпечаток на его наследников, то есть на каждого европейского «культурного человека», будь то профессионал (учитель, деятель науки, писатель, издатель, книготорговец, журналист, музейный хранитель и т.д.) или любитель (врач, юрист, бизнесмен или просто интеллигентный горожанин). Внутри него всегда живет — хотя чаще всего он сам того не знает — клирик, от которого можно освободиться, лишь осознав его присутствие. Я еще вернусь к этой теме.

Ортодоксия легла в основу угнетения, которое, как и притеснение женщин, достигло беспрецедентных масштабов, — под ударом оказались все, кто выделялся из общей массы и угрожал догматической однородности общества: евреи, мусульмане, «еретики», а также прокаженные, «содомиты», «ведьмы» и «колдуны»⁵². Так был изобретен внутренний враг⁵³.

Это явление стало особенно заметным начиная с XIII–XIV веков и сопровождалось усилением давления на женщин. По мнению большинства историков, в этот период произошел переход от относительно открытого общества, где, например, евреи и мусульмане жили более или менее мирно в христианских городах⁵⁴, к обществу, которое становилось все более закрытым и нетерпимым⁵⁵. Существуют различные взгляды на причины этих изменений. Но, по-видимому, с этим процессом было тесно связано укрепление государства во Франции, Англии, Испании и Италии (речь идет о папской монархии). Создается впечатление, что рождение современных государств было невозможно без выявления и преследования меньшинств, «которые думают не как мы»,

усилиями целого административного, судебного и полицейского аппарата, существующего по сей день⁵⁶.

Очевидно, что ключевую роль в этом сыграла церковь, создав инквизицию. Инквизиторы очень четко определяли свою цель. Они преследовали ересь, то есть гетеродоксию⁵⁷. Поэтому они могли привлечь к суду «любого, кто сомневается в вере»⁵⁸ (напомним, что сомнение было еретическим занятием), но не могли судить, например, тех, кто взывал к дьяволу, варя приворотное зелье: в последнем случае о ереси речи не было, поскольку дьявола вызывали, «чтобы он делал именно то, что всегда делает, то есть искушал»⁵⁹. Инквизиторы строго следили за тем, чтобы отделять те случаи, когда дьявола вызывали, поклоняясь ему (это ересь), от тех, когда дьяволу приказывали выполнять задания, входящие в его компетенцию («узнавать будущее, воскрешать мертвых, продлевать жизнь, склонять кого-либо ко греху и т.д.»)⁶⁰.

Однако церковь не обладала монополией на преследование еретиков (или тех, кто считался таковыми). Об этом свидетельствует начавшаяся в XV веке охота на ведьм, которую вела не столько церковь, сколько государственная власть (при том что государства постепенно становились все более светскими). Ярким примером этого можно считать Жана Бодена — теоретика современного государства, жившего в конце XVI века, который был гетеродоксальным христианином (если вообще был христианином) и при этом активно занимался преследованием ведьм⁶¹.

Таким образом, европейская культура, с самого ее рождения и до эпохи промышленных революций, предстает перед нами как культура еkkлeзиальная, в том смысле, что основные убеждения, регулирующие социальную жизнь,